

Живет в Уфе (Россия).

СВИДАНИЕ

Свидание

Сок апельсиновый брызжет с небес в глаза.
Школьное время года. Прилежная ученица
бежит, спотыкаясь. Небо вокруг. И за
худыми лопатками – ранец. Ей кажется или снится:
по переулку навстречу, ускорив шаг,
в старом пальто и шали, с тяжелой сумкой
мама идет. Падают снег, шурша,

с шифера низких крыш на тропинку. Гулко
ухает слева, тоже срываясь вниз —
там слушал недавно врач, а потом назначил
сорок уколов и к попе — капустный лист.
Ничего, утешала сестра, рассосется, зайчик.
Заяц ночами под ватным дрожал теплом
и уговаривал синего медвежонка
крепко зажмуриться, чтобы приснился дом.
Пряничный домик, пропахший сахаром жженым.
Сладко спалось в нем. Ветер носил пыльцу
мятного лета на золотистых крыльях
и рассыпал веснушками по лицу.
А в съёмной квартире запах чужой и пыльный.

Тетя Клава — хозяйка, «сердечница» — по ночам
через стенку храпит, а слышится — подвывает,
утром гремит ведром, кипятит себе чай,
при встрече устало кивает «пока живая».
Дочь ее где-то в таинственном месте «сургут»,
а под стеклом в серванте — с бантами внучка.

Заяц и медвежонок давно бегут.
Несколько лет — по чужому городу, неразлучны.
Только до дома, по-прежнему, далеко.
Так далеко, что поверить в него непросто.
Небо ко сну наливается молоком
для всех одиноких усталых детей и взрослых.

Мать приезжает изредка на денёк,
ей с порога вопрос всегдашний — «Когда обратно?»
Утром проснется девочка, а на столе — кулёк
пряников мятных.

* * *

Июннь... —
отец отбивает косу до бритвенной остроты, каждый удар молотка по истонченному
лезвию отзывается вскриком встревоженной высоты, дрожью по наливному железу
яблонь и на глазах — горизонта ржавеет срез — обреченные головы клонят травы,
обливаясь росой — вечер, а завтра — поход в Свой лес, и мне предстоит на равных со
взрослыми — сенокос.
«Ну, косарь, готовься к рекордам, инструмент в обращении легок и прост, достался от
дедов, так что держи гордо».
Получается гордо первые полчаса: картинно — рядом — ложится покорный клевер, но
надо еще под Котовского причесать выпуклый склон овражка. Я неопит и верю, что
одолею. Будет тебе чабрец — ворчу на горошек мышиный, как кошка цепкий; понимаю,

еще не косарь, скорей – косец, это заметно даже нахальным слепням; нагло топорщит усы молодой пырей, нехотя падает с очередной попытки; на ладонях – россыпи волдырей.

Новенький косарь, однако, прыткий – хвалит отец.

Но испаряется вместе с лесной росой мой запал, будто кто-то развел руками, я кошу, косею и нахожу косой – камень.

Первый. Ключнул. Седой как лунь. Затупили на пару, но аппетит нагулян.

И настойчиво каждый вечер звенит июнь. В июле.

* * *

Было время – сугробы росли выше крыши,
а теперь и зима обмельчала, ворчат старожилы.
Видно, снег шел так долго, что просто однажды весь вышел,
и теперь худосочным полям не до снежного жиру.

И в утробе земли семена пробирает до дрожи
под простышкой со штампом небесным, в стерильную стужу
высока неразумного, злого и бренного всхожесть,
но, коль есть семена, значит, это кому-нибудь нужно.

Пустота заполняется споро живучим и сорным,
и сплетаются космы бурьяна с тоскою потери,
обвивая ползучей петлей, запуская корни.
Отчий дом пред землею и небом один, изметелен.

Предстоит, оседая, в подполье – сплошь черные дыры,
и мышинное царство пирует на наших запасах.
Чтобы утром воскреснуть, прием кофе, а на ночь – пустырник,
эликсир пустырей, что загадочней острова Пасхи.

Пуп земли – где родился и не перегрыз пуповину,
и остывшая печь помнит запах горячего хлеба,
где стоишь истуканом над пеплом под пепельным небом,
на повинную голову падает снег неповинный.

Ветхий дом засыпает по самую крышу, как будто
снова детство, и он засыпает, укрытый от ветра.
А за пазухой сна раскрывают глаза незабудки,
разгораются горицветы

[Страница автора в сети](#)

